

ТИМОФЕЙ

РУДЕНКО

ПРОСВЕТЛЕНИЕ

Отпускай. Прощай. Живи

победитель
БИТВЫ ЭКСТРАСЕНСОВ

Миры Тимофея Руденко

Тимофей Руденко

**Просветление. Отпускай.
Прощай. Живи**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 133
ББК 86.42

Руденко Т.

Просветление. Отпускай. Прощай. Живи / Т. Руденко —
«Издательство АСТ», 2019 — (Миры Тимофея Руденко)

Дар медиума помог Тимофею Руденко стать победителем 19-го сезона «Битвы экстрасенсов» на ТНТ. Как Тимофей развил свои сверхспособности? Что чувствует душа после смерти? Как отпускать страхи? Как научиться прощать себя и близких и исцелять жизнь? Обо всем этом автор рассказывает в своей книге. Это искренний рассказ о жизни, полной драматических событий. История человека, который нашел путь из тьмы к свету. «Когда я вижу, как моя помощь меняет судьбы людей к лучшему, то понимаю – все было не зря. Стоило пойти на «Битву экстрасенсов» и победить. Ради этих людей».

УДК 133
ББК 86.42

Содержание

Предисловие	9
Глава первая	13
Глава вторая	21
Глава третья	25
Глава четвертая	29
Глава пятая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Тимофей Руденко

Просветление. Отпускай. Прощай. Живи

Издательство выражает благодарность Роману Волкову за работу над изданием книги
Издательство благодарит фотографа Юрия Желудева за предоставленные фотографии

© Текст. Тимофей Руденко, 2019

© Фото. Юрий Желудев, 2019

© Оформление. ООО «Издательство АСТ,

* * *

МИРЫ ТИМОФЕЯ РУДЕНКО

Как Тимофей развил свои сверхспособности?

Что чувствует душа после смерти?

Как отпускать страхи?

Как научиться прощать себя и близких
и исцелять жизнь?

Это искренний рассказ о жизни, полной
драматических событий. История человека,
который нашел путь из тьмы к свету.

ТИМОФЕЙ

РУДЕНКО

ПРОСВЕТЛЕНИЕ

Отпускай. Прощай. Живи

Издательство АСТ
МОСКВА

Предисловие

Мир тебе, юный странник. Не пугайся. Я не желаю тебе зла. Впрочем, в том удивительном и таинственном мире, куда тебе предстоит совершить увлекательное путешествие, нет ни зла, ни добра. Это все человеческие, слишком человеческие категории, как когда-то говорил один из наших гостей.

Да... Я встречал тысячи и тысячи тебе подобных, и каждый из них реагировал по-разному. Кто-то плакал, кто-то смеялся...

Ты будешь задавать много вопросов – про смерть и потусторонний мир, но также про жизнь и мир здешний, в чем-то счастливый, а в чем-то и полный страданий. Я постараюсь ответить на каждый. А мои друзья-духи, которые присутствуют здесь повсюду, будут мне в этом помогать. Возможно, если тебе это будет интересно, с кем-то из них я попробую тебя познакомить, ведь когда-нибудь ты сможешь сделаться одним из них и тоже станешь моим верным другом и помощником.

Скажи, что ты хочешь узнать? О, понимаю. У тебя так много вопросов, что ты даже не знаешь, с какого начать... Так часто бывает. Часто кажется, что все нормально и даже хорошо, а иногда кажется, что вообще все плохо. У тебя много страхов и много проблем, ты боишься смерти, кажется, что дети не справятся без тебя, страшно, что проживешь жизнь зря и не выполнишь свое предназначение, переживаешь, что смерть придет слишком рано, что бабушка, которая уже старенькая, скоро умрет, ее жалко, жалко папу, который умер. Это вопросы по поводу смерти. А есть и вопросы по поводу жизни: почему ты всегда в одиночестве? Почему не получается правильно выстроить отношения? Как быть, если тебя обижают? Как найти себя? Как пройти свой путь так, чтобы в конце не было стыдно и больно?

Я постараюсь ответить на все твои вопросы. Но совсем не так, как ты себе придумал.

Начнем с того, что ты крайне высокомерен, если решил, что у тебя есть какое-то вселенское предназначение, что ради тебя должна крутиться планета и что ты имеешь в жизни большой вес.

Должен тебя расстроить.

Давай представим, что ты поднялся на уровень космоса и смотришь вниз, на крошечные огоньки, которые горят в ночи. В каждом доме, в каждой квартире, где горят эти окна, есть своя семья, свой род, своя история, о которых можно говорить часами, и в каждом человеке из этой семьи – у младенца или смертельно больного старика – тоже есть своя история.

Ты всего лишь частичка этого мира, причем не самая большая. Безусловно, у нас есть определенные цели в жизни, задачи, которые мы должны исполнить, но так ли велика эта Цель – большой вопрос. Фактически ты родился для того, чтобы умереть, ты и сейчас умираешь.

Я постараюсь тебе помочь, ответить на твои вопросы, решить твои личные и семейные проблемы, поговорю с тобой о жизненных премудростях. Но сперва договоримся: ты должен понимать, что твои проблемы – это не беды вселенских масштабов, а всего лишь частные случаи. Безусловно, ты являешься своеобразным космосом, но пойми одну простую вещь: твоя жизнь – это всего лишь часть законов природы, и все, что ты наверняка сможешь сделать, – это построить свое условное счастье. И оно фактически состоит из ряда понятий, как надо жить. Моя задача – направить тебя по пути эволюции собственной души, чтобы ты, до того как уйти в иной мир, воспитал собственную душу и свой разум.

Что ты пожимаешь плечами?

У меня есть представление о Вселенной и жизни – больше, чем у кого-либо из людей. У меня есть дар, который позволяет видеть, как устроена Вселенная. Например, коты видят спектр, недоступный человеческому глазу, а я настроил свое зрение, чтобы видеть другие

миры. Когда наркоманы употребляют какие-то вещества, они испытывают галлюцинации – это настройка мозга на другие частоты. Так и мой мозг при правильной настройке может видеть огромное количество других миров, и это помогает мне разобраться в устройстве Вселенной. Я тебе об этом расскажу.

Мало того, в сложные периоды я обращаюсь за советами к тем людям, которые ушли из жизни. Они видят наш мир более масштабно, и их души уже эволюционировали, поэтому они дают более глобальные и мудрые советы.

Ты хочешь узнать, как происходит общение с умершими? Чтобы настроиться на общение, необходимо провести работу с собственным мозгом. Если приводить примеры, то это похоже на настройку внутреннего приемника на определенные волны. Я умею самостоятельно ввести себя в такое состояние без наркотиков или других препаратов.

Моя задача – использовать эти знания на пользу всему человечеству и тебе лично. Объясняю, что людям следует относиться к своим проблемам проще. А тем, кто приходит с вопросом об ушедших близких, помогаю успокоиться – связываюсь с духом умершего, чтобы те, кто пришел ко мне, могли сказать последние слова своим усопшим. Бывает, мы находим причину, почему человек скончался. Да, никто не может проверить, правда ли я говорю с мертвыми, но чаще всего они делятся личными тайнами. Те, кто ко мне приходит, узнают умершего по определенным фразам, семейным секретам, которые передают духи, – все это позволяет быстро развеять сомнения.

Мертвые могут поддерживать живущих, помогать им. Но в этом чаще всего нет большой необходимости, за исключением разве что совсем экстремальных ситуаций. Обычно умершие появляются во снах или когда у спящего наступает сонный паралич – состояние, в котором человеку открывается портал между мирами. Но следует учитывать, что многие ситуации, кажущиеся для нас серьезными проблемами, для духов – смешны и несущественны. Бывают случаи, когда духи понимают – человек нужен своим детям и внукам, тогда они могут помочь ему со здоровьем, забрать болезнь или уберечь от смерти. Но такие ситуации случаются крайне редко.

Ты терзаешься, потому что никак не можешь найти свое место в жизни? Определить, кто ты и каков твой путь? Помочь своему ребенку сделать выбор?

Знай, что каждому из нас даются определенные знаки, которые помогают понять, кем мы должны быть. Всем предоставляется возможность проявить талант. Но если человек не найдет себя – на Вселенной это никак не отразится. Поиск себя – это сложная внутренняя работа. Бывают ситуации, когда у человека есть очень важная миссия, например, ему предстоит сделать величайшее научное открытие, тогда Вселенная его подталкивает – преподносит подсказку во сне, наделяет таким ярким талантом, что как его ни прячь – все равно прорвется наружу. Или дает невероятную волю, усердие, терпение – для того чтобы преодолеть самые сложные препятствия.

В определенный момент я понял, что счастье – это абсолютно условная категория. Было время, когда я серьезно страдал от приступов шизофрении, панических атак и депрессии. Тогда считал, что счастье – это просто быть здоровым. А еще одно, главное счастье – это, конечно, дети. Потому что человек должен продолжать род, передавать полученные знания. И поэтому так важно вкладывать в детей все свои силы. Энергетика ребенка до четырнадцати-пятнадцати лет еще до конца не сформировалась, поэтому родители должны нести ответственность за своих детей. Только от вас зависит, что будет заложено в ребенке.

А уже сделать его счастливым не может никто, кроме него самого. Я могу помочь, он захочет заниматься эзотерикой. Считаю, что каждый человек способен на это, ведь у каждого из нас за спиной огромное генеалогическое древо, в котором наверняка были гадалки, травники или шептуньи. Каждый может открыть в себе экстрасенсорный дар, но никто не может решать чужую судьбу и сделать кого-то счастливым. Счастье – это всего лишь философская

условность. Многим для того, чтобы чувствовать в сердце восторг, нужно по-настоящему влюбиться. Но никакие экстрасенсы не смогут найти за вас любовь. Тем более что с годами человек ищет возлюбленного совсем по другим параметрам, чем в юности. Может быть, истинная любовь – только родственная, даже к чужому по крови человеку?

Есть поток возможностей, направить который способен практикующий эзотерик. И что-то вы узнаете, и чему-то научитесь. Но воспользуется ли человек правильно полученными возможностями – это уже другой вопрос.

Эта книга научит читателя воспринимать законы нашего мира, понимать, как все устроено. А также я постараюсь дать какие-то практические советы, которые помогут людям развивать собственные эзотерические способности. Первая книга будет введением в эзотерику. Мы должны объяснить людям, что такое смерть, что такое душа, как мы попадаем в другие миры. Это поможет понять структуру нашего мира и связь между мирами. Главной целью книги будет избавление людей от переживаний по поводу ушедших, которым так и не успели сказать что-то важное. Я постараюсь, как смогу, облегчить страдание человека, потерявшего любимого или ребенка. Жизнь здесь не заканчивается. Есть религии, где люди радуются смерти, я считаю: это самое правильное отношение.

Итак, вперед, мой дорогой гость! Я открою тебе тайны, сокрытые мраком, и приведу в самые светлые сферы!

Но, пожалуй, сперва...

В сложные периоды обращайтесь за советами к людям, которые ушли из жизни.

Они видят мир масштабно.

Глава первая

Люди боятся смерти по той же причине, по которой дети боятся темноты, потому что они не знают, в чем тут дело.

Фрэнсис Бэкон

Пожалуй, надо немного рассказать о моем знакомстве с мрачной стороной жизни. Мои взаимоотношения со смертью начались очень давно, еще была жива мама...

Вообще, я с раннего детства был очень любознательным ребенком и часто шокировал своих родных чересчур серьезными вопросами про устройство мироздания. Есть ли жизнь после смерти? Что происходит, когда мы умираем? Даже маленький, я уже чувствовал, что смертью все не заканчивается, что в любом случае там что-то есть...

Первым, кто умер на моих глазах, была наша кошка Кати, пушистая и очень красивая. Как раз тогда, в 1990-е, в Новосибирске произошло землетрясение. Такие катаклизмы случаются в Сибири крайне редко, и я стал свидетелем этой аномалии. В семье и среди знакомых никто не пострадал, и мы, дети, воспринимали это скорее как забавное приключение, а вот кошка металась, не находя себе места. Тогда мне казалось, что она видит что-то, что не видят другие, и очень из-за этого волнуется. Говорят, кошки чувствуют землетрясение. Кати очень сильно нервничала и всю ночь металась как сумасшедшая. А через сутки умерла. Кошачье сердце не выдержало того, что она видела. Уже наутро я обнаружил ее неподвижный труп. Так я впервые столкнулся со смертью и с вопросом – куда ушла Кати? После ее смерти я решил, что непременно должна быть торжественная похоронная церемония, драматическая процессия или что-то похожее. Но на деле все оказалось очень просто, скромно и серо: Кати просто завернули в старую выцветшую простыню со штампом, и я понес ее хоронить. Прекрасно помню ее тело на ощупь, холодное, обмякшее, невероятно тяжелое для такого крохотного животного. Помню и это жуткое ощущение, до сих пор помню – словно приоткрылась щелочка в какой-то неведомый мир, даже не мир, а измерение, Вселенную. От едва уловимого дуновения содрогнулась наша земля, и все поменялось – незаметно для нашей планеты, и очень ощутимо для меня и нашей кошечки...

Еще когда я был совсем маленьким, мы играли на пустыре за нашим домом на улице Гоголя. Это место всегда у меня было связано с волшебством, мистикой. Там мы строили шалаши, хоронили там кузнечиков и всяких насекомых, там я часто бродил в одиночестве и фантазировал... Так что сразу пришло понимание: там будет кладбище и для Кати. Стояла зима, и земля насквозь промерзла, помню, что было очень тяжело копать могилу большой взрослой штыковой лопатой. Я положил кошку в могилу и попытался закрыть ей глаза, но было слишком холодно, она вся смерзлась, как и земля, и у меня ничего не вышло. Так и похоронил ее с открытыми глазами, как у сломавшейся игрушки. Потом я забросал Кати кусками обледелой земли и сделал руками, как в песочнице, надгробие из камешков с крестом сверху. Для меня это очень яркий образ. Я вижу его до сих пор, как будто перед глазами стоит фотография. Уже тогда я понимал, что смерть – это очень страшная вещь. Мне тогда было всего года четыре, и меня запросто отпускали гулять одного во дворе нашего дома – классической хрущевской пятиэтажки с мрачным и депрессивным пейзажем вокруг, словно из фильмов Балабанова. Все вокруг было совершенно серое – начиная от неба над головой и заканчивая кирпичами, из которых был слеплен дом. Словом, отличное место для съемок русского артхауса или тяжелого фильма, который трудно досмотреть до конца, а оторваться еще тяжелей.

Тема смерти и похорон всплывала в моем детстве еще несколько раз. Однажды, когда меня привезли домой от тетки, я увидел странную, удивительную картину: всюду у подъезда лежали цветы – белые и красные. Это было очень нарядно и красиво, как в доброй и приятной

сказке. Я, словно опытный флорист, собрал из этих цветов большой букет и подарил его своей бабушке. На вопросы удивленных взрослых я рассказал, что собрал их в подъезде и что там еще полно таких. Все были поражены моим поступком.

Мне рассказали, что эти цветы – с похорон нашей соседки и брать их не следовало, но я не мог понять почему. К своим годам я еще ни разу не видел настоящих похорон, кроме похорон кошки, и совершенно не представлял, что это значит. Папа со всей тщательностью контролировал, что я читаю и смотрю по телевизору, так что мое представление о последнем пути человека оставалось весьма смутным и овеянным тайной. Цветы? Зачем цветы на похоронах? Разве это праздник? Ведь человек ушел навсегда. Мне все это казалось странным.

Второй случай связан с нашей другой соседкой. Она очень любила детей и всегда была рада мне и моему брату. Мы часто бывали у нее в гостях и вообще дружили, обожали бывать у нее в квартире, пропитанной особым интеллигентским духом, разговаривать, пить чай, слушать интересные истории. Она была настоящей питерской интеллигентной дамой, на полках стояли томики стихов, на стенах висели удивительные картины. Но, как у многих людей, тонко чувствующих культуру, у нее был свой порок – она тяжело и сильно пила. Что в конечном итоге ее и погубило. Кажется, ее звали Лариса.

Однажды, серым тяжелым утром, обеспокоенные взрослые сообщили нам с братом, что Лариса умерла. Цирроз печени или что-то такое, в последние месяцы она пила все больше и страшнее.

Мы все пошли к ней в квартиру, так хорошо нам знакомую. Теперь там все было странным образом по-другому, словно у дома исчезла душа. Посередине большой комнаты стояли две лавки, одна напротив другой, а между ними – две табуретки. Я не мог понять, для кого предназначены эти табуретки, словно расположенные между сидящими зрителями, для каких-то загадочных актеров? Но потом принесли гроб, и я все понял.

Гроб был ужасен. Меня пугало сочетание грубого, обнаженного дерева и яркой красной ткани. Когда с Ларисой начали прощаться, детей выгнали, но я, охваченный любопытством, подглядывал через стекло в двери. Любопытство, отвращение и ужас боролись во мне, когда я тайком смотрел на знакомое лицо, теперь желтоватое и начисто лишённое эмоций, застывшее в безжизненном спокойствии. Люди подходили и целовали ее в бумажную ленту, положенную на лоб, говорили что-то, беззвучно шевеля губами. А эта лента парадоксальным образом напоминала мне о тех бумажках, которыми скрепляют пачки с печеньем, и я никак не мог избавиться от этой нелепой ассоциации.

Когда бабушка поймала меня за подглядыванием, я получил хорошую выволочку. Она объяснила мне, что подглядывать за похоронами – это очень плохая примета, которая может привлечь смерть в дом. Но смерть и так давно жила в нашем доме, ожидая своего часа.

И вскоре она вошла, и как всегда без стука и предупреждения.

Потом начались проблемы с мамой. Сначала все было в порядке, родители жили дружно, у нас были прекрасные отношения – я был вторым ребенком, уже желанным. Но потом у мамы начались психические расстройства.

Она всегда очень много работала, была ведущим акушером-гинекологом Новосибирской области, работа занимала большую часть ее жизни, но потом... Все началось с очень странного и непонятного для нас ухода в религию. Притом что она всегда была, или, по крайней мере, казалась нам, человеком очень образованным, профессионалом в ряде научных дисциплин. Но это только казалось... Уже позже, после ее смерти, разбирая вещи, мы узнали, что мама серьезно занималась черной магией! Сначала к нам в дом стали приходить священники, потом стали появляться какие-то странные женщины в черном с таинственными и непонятными предметами. Меня все это пугало, и приходилось искать поддержки у отца.

Сейчас я понимаю, что мама расплатилась за поступки, которые совершила. Скорее всего, она лишилась рассудка именно по этой причине.

Судя по всему, она провела какой-то магический ритуал, об этом ее попросила одна женщина, теперь я даже наверняка знаю какая и о чем она просила – о мести. Мать исполнила этот обряд, который очень сильно повлиял не только на жертву, но и на ее собственную судьбу, и на всю нашу семью.

Видимо, с помощью этого неожиданного поворота к православной вере и к Богу она пыталась отмолить грех, который совершила. Она пыталась очистить нашу квартиру от последствий этого страшного обряда всеми возможными способами. Именно для этого в наш дом приходили все эти священники, а потом – эти странные женщины-колдуньи. Но ничего не помогало. Было уже поздно. Обряд на месть сработал, и человек, против которого он был направлен, погиб.

Когда мама начала практиковать подобные вещи, она считала себя чуть ли не Богом, полагала, что может решать и творить очень многое и ей за это ничего не будет. Такое бывает, когда неофиты только делают первые шаги в мире магии. Перед ними открывается невероятно огромный незнакомый мир, где, как им кажется, они могут делать что хотят, совершенно безнаказанно. У человека появляется мания величия, он считает себя более знающим, более понимающим, чем все остальные люди.

От этого в начинающем маге вырастает просто вопиющее чувство собственной важности. В свое время я тоже с этим столкнулся. Каждый эзотерик проходит через это: когда он начинает понимать законы мира, ему больше не интересны нужды обычного человека. Например, он становится уверен, что ему уже больше не придется работать. Я тоже был в этом уверен и в то время говорил об этом своей девушке, считал, что я – маг и теперь знаю намного больше «простых людишек» и меня больше не интересуют эти мелочи, меня раздражали любые бытовые вопросы. Теперь я понимаю, что мир устроен по-другому, гораздо сложнее, и чем бы ты ни занимался – жизнь этим не ограничивается. А «простые люди» могут оказаться гораздо важнее для Вселенной, чем самый продвинутый маг.

В итоге у мамы началась серьезная депрессия. Она хотела умереть. Ей казалось, что ее грех падет на нас и если она уйдет из жизни и заберет с собой свой грех, то он не передастся дальше и не останется пятном на нашем роде. Долгое время она молча лежала на кровати без движения, и мне в какой-то момент стало страшно находиться дома. У нас был большой двор, и там я искал спасения. С утра я старался поскорее уйти из квартиры и не возвращаться туда до самого вечера. Я был напуган, но мне никто ничего не объяснял, просто говорили, что мама грустит, не обращай на это внимание, все будет в порядке. Никто не говорил, что она болеет.

Уже потом многие люди утверждали, что и раньше замечали за ней подобные странности, но я им не верю. Людям свойственно выдумывать задним числом. Это глупость. Мы жили хорошо, и все было нормально до тех пор, пока маму не попросили совершить этот черный обряд...

И уже через год после этих событий мама позвала меня к себе и сказала:

– Сынок, я хочу уйти из жизни, я хочу умереть. Там очень хорошо, там здорово, за пределами этого мира. Давай уйдем вместе, чтобы грех точно не передался тебе...

Она сказала так, потому что очень любила меня, гораздо больше, чем брата, и была больше ко мне привязана. Она описывала мне сцену наших похорон, какие мы будем красивые, в нарядной одежде в гробах, усыпанные цветами, посреди прекрасных огромных венков, и нас будут нести на вытянутых руках над толпой... Мы будем словно лететь над толпой под звуки похоронного оркестра, а потом ляжем в уютные постельки из мягкой земли...

Все это сейчас звучит очень жутко, но не могу сказать, что тогда я испугался. Ребенок в четыре-пять лет зачастую вообще не чувствует страха смерти. Впрочем, он не испытывает его и в восемнадцать, поэтому в армию и набирают к совершеннолетию: молодежи еще особо нечего терять, а уж в пять лет – тем более. Мама пыталась описать мне очень романтическую

картину смерти и в то же время открывала мне, скажем так, пейзажи загробного мира. Но я ответил: – Нет, мама, я еще хочу жить!

Говорил какую-то глупость вроде того, что мне завтра еще нужно поиграть с ребятами во дворе, что я хочу еще много чего увидеть. Я понимал, что в этом ее приглашении что-то не то, что-то неправильное. И в любом случае я любил свою жизнь, даже то, что у меня было. Я любил просыпаться по утрам, у меня была прекрасная бабушка, которая варила очень вкусный кофе, прекрасно помню его запах, любил своих друзей во дворе, обожал играть в футбол, в прятки и салки. В общем, был действительно крайне счастливым ребенком, несмотря на то что финансово наша семья никогда не была особо обеспечена, и очень ценил свою жизнь.

Мне казалось, что к смерти всегда успею вернуться, всегда успею уйти. Я вспоминал Кати и совершенно не хотел, чтобы у меня так же остекленели глаза, как у нее, это было очень страшно. У кошек совершенно пропадают зрачки после смерти. И я понимал, что вовсе не хочу так. И нашел в себе смелость отказаться от маминого приглашения. Но история на этом не закончилась.

Через месяц мама поправилась и даже вышла на работу, но... Когда папа пришел домой, то с ужасом увидел, что на балконе висела петля. А рядом стояла мама и уже всовывала меня туда. Задержись папа хоть на минуту, она забрала бы меня из жизни, а потом ушла сама. Когда папа увидел это, он пришел в ужас, и совершилось первое домашнее насилие, которое я увидел в своей жизни, и это было еще более страшно для меня, чем смерть. Я увидел, как папа бьет маму.

Он сразу все понял, все тогда уже понимали, что с ней нужно что-то делать. Папа пригласил домой психотерапевта, потому что не хотел отдавать маму в больницу, думал, что есть еще какой-то шанс. И действительно, спустя некоторое время, в течение нескольких месяцев у мамы была существенная ремиссия. Она пришла в себя, говорила нам, что у нее были какие-то проблемы, но теперь такого больше не случится, и так далее, но...

Однажды отец снова пришел с работы пораньше и увидел на нашем кухонном столе кучу таблеток. Мама уже успела принять достаточно много и пыталась заставить меня тоже их выпить, хотела обмануть, говорила, что это вкусные и полезные таблетки, но я категорически отказывался.

Обряд, по ее задумке, был предельно прост – нужно было уйти из жизни и прихватить с собой кого-нибудь из своего рода, но на одном условии: это должно произойти добровольно. Она говорила:

– Смотри, я сейчас выпью таблетки, ты увидишь, что это не страшно, и ты тоже выпьешь.

Меня спасло то, что я прекрасно знал: таблетки невкусные, горькие, и ничего хорошего от них не будет. Если бы вместо противных лекарств были конфеты, то и уговаривать бы не пришлось. Но мама была очень настойчивая, и неизвестно, что произошло бы, если бы папа не вернулся вовремя и не остановил ее. Он промыл ей желудок, и с того момента все поняли, что нужно действовать немедленно. Собрался семейный совет, и на нем было решено отправить маму в психиатрическую клинику.

Я прекрасно помню день, когда ее забирали. Было раннее-раннее утро, к нам приехали санитары. Еще тогда я придумал им название «люди без лица». У обычных людей лица существуют, чтобы выражать чувства, эмоции. У этих же лица ничего не выражали, они напоминали застывший розовый пластилин, поэтому их словно не было, и из-за этого они казались мне совершенно одинаковыми. Уже потом я встретил людей из этой категории, совершенно безэмоциональных, в другом месте, где мне пришлось долго проработать, – на кладбище. Они занимались организацией похорон, траурных процессий и торжеств. Такие вот холодные люди без лиц забрали мою маму.

В этот момент она находилась в состоянии краткой ремиссии и хорошо понимала, что с ней происходит, но не сопротивлялась. Она вела себя почти адекватно и со всем соглашалась,

но даже когда мама была в этом состоянии, ни у кого не оставалось сомнений – ее нужно изолировать. Это был последний раз, когда я видел ее дома. Даже в периоды ремиссии ее постоянно мучили ужасные галлюцинации, тяжелый бред. В такие моменты она была уверена, что она должна спасти Россию, предсказывала конец света, общалась с невидимыми существами, считала себя сверхадептом магии. Могло показаться, что она стала жертвой истерии, которая развернулась в девяностые годы на почве эзотерики, оккультизма, магии, захвативших нашу страну после падения железного занавеса. Но мы знали, что она занималась всем этим еще во времена Советского Союза. Когда уже после ее смерти мы разбирали книги, то находили издания, выпущенные еще до революции, с «ятями» и «ерами», жуткими символами, схемами и картинками, непонятными словами вроде «примархъ», «адептъ», описаниями ритуалов и именами демонов. Все это было странно, это пугало всех нас.

После этого случая и до момента, когда мне исполнилось четырнадцать лет, мама все время провела в больнице, за этот период я видел ее два раза во время кратких ремиссий. Каждый раз я узнавал о встрече за пару дней от моего старшего брата. Он говорил:

– Скоро приедет мама, ей сейчас лучше, и вы можете пообщаться.

Но я не знал, как и о чем с ней общаться. За все эти годы я совершенно отвык от нее. Она стала совсем чужим человеком. Я боялся ее, эту чужую странную женщину без зубов.

Психиатрическая клиника сильно изменила ее. Люди, знакомые с этой проблемой понаслышке, часто думают, что психиатрическая больница – это тихое место, где пациенты под присмотром заботливых врачей смотрят телевизор и играют в настольные игры. Но в российском сумасшедшем доме все совсем по-другому. Там много насилия, мордобоя и со стороны санитаров, и между пациентами. Вместе с психически больными лежали наркоманы – для них тогда не было никаких отдельных лечебных учреждений. Постоянно вспыхивали драки за сигареты, отдельные стычки заканчивались избиением – там это норма. По сути, такие больницы практически ничем не отличались от тюрем. Я даже не представлял, в какую страшную среду попала моя мама. Это было очень странно – видеть ее, без зубов, пахнущую неистребимым больничным запахом. Сейчас этот запах ассоциируется у меня со «страшным Парижем», который описывал Виктор Гюго, с домом скорби, самой дремучей и мрачной достоевщиной, нищетой и старостью. Мама была одета в старую поношенную одежду с чужого плеча, она съежилась и постарела... Но это была моя мама, и я ожидал, что свершится чудо вроде того, что случается в голливудских фильмах со счастливым концом, но на самом деле не испытывал ничего, и... больше всего я хотел, чтобы она уехала. Я чувствовал дискомфорт, неловкость, брезгливость. Отвращение.

А мама, конечно же, очень хотела увидеть меня, она по-прежнему меня любила. Старший брат постоянно ее навещал, передавал разные подарки, но она всегда просила, чтобы привезли Тиму.

Новосибирская психиатрическая больница на Владимирской – это жуткое место. Это словно преддверие дантовского ада, место, совершенно лишенное искры надежды. Даже на кладбище нет такого тягостного ощущения, наоборот – там энергетика совсем неплохая. Мне нравится смотреть, как люди приходят туда и занимаются своими тихими делами, ухаживают за могилами, собирают листья. В этом есть что-то светлое, умиротворяющее. Да где угодно можно найти что-то светлое, но только не в психиатрической больнице. Я не хотел туда приезжать, и никто не хотел меня брать с собой.

Перед тем как мама оказалась в больнице, она была одержима идеей, что своими поступками наложила проклятие на наш род и мы вынуждены будем жестоко расплачиваться. Эта идея прочно засела у нее в голове, она постоянно говорила об этом, и ее слова оказались пророческими. Как только ее заперли в клинике, у отца начались приступы эпилепсии. Болезнь атаковала его до двадцати раз в день. Приступы были короткими, но преследовали его постоянно.

Сначала он просто терял сознание и лежал на полу, хрипя, с пеной у рта. Потом, когда болезнь стала прогрессировать, у него начались мышечные спазмы. А дальше было только хуже.

Отец был врачом, весьма авторитетным рентгенологом, уважаемым в своей профессии, в свое время он работал в структурах МВД «лепилой» – лечил зеков в тюремной больнице. Однако, несмотря на мрачную среду, всегда оставался очень интеллигентным человеком, хорошо эрудированным и культурным. К этому времени он уже трудился на пенсии – рентгенологи получают пенсию рано из-за высокой вредности, и болезнь вынудила его оставить работу. Мы не могли отпустить его никуда, он мог потерять сознание в любой момент.

Мой дядя – его родной брат, который также увлекался эзотерикой, – помогал нашей семье как мог. С его подачи в нашем доме снова появились священники, которые пытались исцелить отца при помощи молитв и соборований, но ему легче не становилось. Сейчас, со всем моим опытом в эзотерике, я прекрасно осознаю, что это не совсем правильно – отдавать ответственность за свою жизнь и здоровье в руки одного человека, даже если у него есть настоящий дар. Серьезными болезнями должны заниматься врачи, а не священники и маги. Вера и магия нужны совсем для другого. Однажды, когда папа несколько недель чувствовал себя относительно неплохо, он пошел забирать меня из детского сада. Садик находился совсем рядом, через дорогу от нашего дома, и никто не ожидал беды. Приступ начался неожиданно, когда папа вошел в здание и ждал меня в раздевалке нашей группы.

Дети стояли и смотрели, а он дергался в ужасных конвульсиях среди шкафчиков, на которых были нарисованы грибы, птицы и животные. Эти грибы меня всегда пугали, они были как-то по-особенному отвратительно нарисованы, и самый гадкий из них, конечно же, был изображен на моем шкафчике.

Эта сцена ярко врезалась мне в память, дикая, сюрреалистичная. Папа подходит к моему шкафчику с этим ужасным грибом-мухомором, рядом висят мои колготки, и он падает навзничь и начинает биться в судорогах, среди маленьких стульчиков и лавочек, окрашенных коричневой краской. Дети смотрели на него без страха, со своим особым детским жестоким интересом. А я... Тяжело передать, насколько мне было обидно, что мой папа оказался в таком унижительном положении на глазах всей моей группы. На следующий день о случившемся знал весь двор. Как бы мне ни было неприятно, но масла в огонь всей этой истории, которая и так была нарасхват среди изголодавшихся по событиям соседей, добавил мой лучший друг. Я уверен, что им не руководили никакие темные чувства, мы были детьми, и он, с совершенно детской непосредственностью, рассказал всем про то, что мою маму забрали в сумасшедший дом, а папу хватил припадок в детсаду.

Естественно, меня сразу стали дразнить. Мне говорили, что раз мои родители ненормальные, то и я тоже такой, или непременно стану чокнутым. Псих, шизик, сумасшедший. Дети жестоки и не знают жалости и пощады, если дело касается травли. Стоило мне ошибиться, хоть немного криво ударить по мячу, неправильно ответить в школе, я немедленно слышал: «Чокнутый!» Хорошо хоть я был бойкий парень, умел за себя постоять и не боялся драки, к тому же на крайний случай у меня был старший брат. Так что самые наглые обидчики не уходили от моих кулаков, а остальным приходилось вести себя потише. Но все это не спасло от ужасного чувства обиды и стыда, которые преследовали меня с самого детства.

Однажды я избил обидчика до сотрясения мозга. Мой отец к тому времени уже имел инвалидность, и ему, как бывшему сотруднику, полагалась скидка на путевки в детский лагерь МВД под названием, естественно, «Имени Феликса Эдмундовича Дзержинского». Дети там отдыхали самые разные, из всей милицейской системы города, и пускать в ход кулаки там приходилось регулярно. Я проводил в этом лагере каждое лето, и дело было не в моей горячей любви к этому месту, просто у семьи не было средств, чтобы организовать мой летний досуг как-то по-другому. Именно здесь, уже позже, со мной впервые случилось все, что только может случиться с подростком: первые сигареты, первый алкоголь, первая близость с девушкой.

В соседнем отряде отдыхал пафосный и задиристый мальчик, генеральский сын. Как только он узнал о моих родителях, а узнавали все, потому что ребята из моего двора тоже были в этом лагере и считали своим долгом обо мне рассказать «по секрету всему свету», ему показалось забавным говорить гадости про мою маму, а меня самого назвать сыном чокнутой.

Сначала я хорошенько ответил ему матом и пригрозил, что словами все может не кончиться, но он не унимался. Ему нравилось дразнить меня моим стыдом, как тореадор дразнит быка красной тряпкой. Я кинулся на него и принялся бить кулаками и ногами, полностью потерял контроль над собой. Просто какая-то вспышка, а дальше только мелькают кулаки. Остальные замерли вокруг в ужасе, даже не пытаясь нас разнять.

Я прекратил бить его только тогда, когда у него из головы пошла кровь. Прибежавшие вожатые не смогли остановить меня, я себя совсем не контролировал, и меня еле оттащили. Генеральского сына увезли на скорой всего в крови и с сотрясением мозга.

Я стал лагерной знаменитостью после этого случая, и мне это казалось странным: особого удовольствия от драки я не испытывал, но мне нравилось осознавать, что я не просто дерусь, а осуществляю справедливое возмездие. К тому же тот парень был очень избалованным и нагловатым, и его не особо любили. А его отец был большой шишкой в МВД, и мне сразу все сказали, что моего папу теперь наверняка уволят из органов. Но как могли уволить больного человека на пенсии? Они ничего уже не могли сделать моей семье, и этими угрозами все и кончилось.

Что происходит, когда мы умираем?

Смертью все не заканчивается, в любом случае там что-то есть...

Глава вторая

Душа есть сущность живая, простая и бестелесная, по своей природе невидимая для телесных глаз, бессмертная, одаренная разумом. Иоанн Дамаскин

В Бога я никогда не верил, а по поводу души говорил, что это лишь высшая деятельность мозга, сложные биохимические и гормональные реакции организма. Впервые я изменил свое мнение, когда у моего отца случился инсульт, я увидел, что он умирает, и ощутил, как его душа вышла из тела.

Многие верят, что душа – это отдельная особая сущность, размером с куриное яйцо, что она находится в сердце или в районе солнечного сплетения (отсюда «ударили в душу») или на четыре пальца выше пупка (именно поэтому ритуальное хакири совершается именно в области живота). Впрочем, иногда душа перемещается по телу: например, может оказаться в пятках.

Я же убежден, что душа – это информация, код, который находится в крови. Потому что именно кровь поддерживает наше генетическое состояние, которое мы наследуем от наших предков, она переносит информацию о наших болезнях и общем состоянии здоровья. Есть понятия «кровные братья» и «кровная вражда».

С медицинской точки зрения, после смерти человека его сердце останавливается, кровь густеет и оседает в нижней части тела, а затем снова разжижается, из нее выходит вся энергетика. Я общался с человеком, пережившим переливание крови, он рассказал, насколько после этого изменился его характер. Еще один момент – алкоголь, наркотики и вещества, изменяющие сознание. Они впитываются в кровь и полностью меняют человека.

Мы рождаемся с данной нам нашим родом душой, содержащей элементы нескольких душ предков, что выражается в приобретении определенных черт характера. Главная задача в жизни человека – воспитать собственную душу. Любовь, хорошие поступки помогают и закаляют ее, а грехи, страсти, слабости – наоборот, ослабляют.

Представь, что при рождении ты получаешь белый костюм. Он обладает некоторыми качествами (черты характера, которые достались от предков), но насколько он будет чистым на протяжении твоей жизни – решаешь ты сам и никто другой. Душу можно сравнить с еще одним телом, которое находится внутри тебя, но не имеет четкого силуэта. В сердце, которое качает кровь, находится скопление энергии – потому его и считали вместилищем души. Если сердце перестает работать, человек умирает, так как его душа не функционирует, не перемещается по телу вместе с кровью.

Душа – это особая энергетическая сущность, не имеющая физической оболочки. Она напоминает катушку Теслы, которая посылает невидимые электрические волны. Душа – это сгусток энергетики, спектральный фон человека. Сейчас объясню почему.

Дело в том, что у каждой души есть определенный цветовой спектр. Если человек совершает множество плохих поступков, увлекается алкоголем, наркотиками, думает о суициде – его душа приобретает черный оттенок.

Она может быть заряжена отрицательно или положительно, что отражается в цветовом спектре:

- *черный* – смертные грехи (убийство, увечья, аборт, самоубийство, блуд, непочитание родителей, занятия черной магией, осквернение могил);
- *красный* – отрицательные чувства (злость, гнев, ненависть);
- *оранжевый* – зависимости (алкоголь, наркотики, секс, игры);
- *зеленый* – позитивные чувства (любовь, уважение, милосердие или дружба);

- *синий* – мудрость, интеллект;
- *желтый* – позитив, рост души;
- *голубой и фиолетовый* – эмоциональное спокойствие;
- *белый* – добродетель, святость.

Окраска души постоянно меняется, в зависимости от человеческих чувств и эмоций.

Изначально душа чистая, белая, но с годами на ней появляются различные цвета, отражающие человеческую сущность.

После смерти в течение сорока дней душе придется пройти по пространствам всех своих спектров, чтобы понять, в чем человек был прав, а где совершил ошибку. Если было накоплено слишком много грехов совершено самоубийство, на какое-то время душа останется на земле в виде низшей сущности – полтергейста или духа. Потом он попадает в мир красного спектра – мир ненависти, где тоже обитают враждебные сущности – аналог бесов, шайтанов, асуров. Пройдя таким образом через все спектры, душа попадает в белый спектр, который называют раем, а там вся информация анализируется, и душа отправляется на какое-то время в тот спектр, которого было в ней больше всего. В конце душа отправляется к своему роду, происходит очередное сочетание элементов душ – появляется новый человек.

По поводу нирваны или растворения в Боге... Я думаю, что Бог не такая уж и добрая сущность, Он принес немало бед людям. Как вы думаете, обладая безграничной властью, захочет ли Он ею с кем-то делиться?

Получается, что жизнь каждой души – это бесконечная синусоида: как на земле мы проживаем взлеты и падения, так и ощутим примерно то же самое, но в энергетическом плане, и после смерти.

И так во всем существовании Вселенной! Когда все хорошо и рождается много детей, сразу начинаются эпидемии, войны и всяческие катаклизмы.

Так же и с отдельным существом. Чем выше душа поднимется, тем дальше ей падать. Я уверен, что Господь является экспериментатором со своеобразным чувством юмора.

Даже когда душа оказалась в белом спектре, в раю, она рано или поздно его покинет. Если человек был мудрецом, рано или поздно у него начинают появляться вопросы: «А зачем все это?», и в конце становится понятно, что не такой уж он и мудрец. А еще начинают посещать вопросы: «А не фанатик ли я? Действительно ли я верю в то, что делаю?» А еще есть одна закономерность: обеспеченные люди начинают задумываться о духовности, а те, кто богат духовно, начинают стремиться к материальным благам. Получается, что из колеса сансары никак невозможно вырваться.

Как ни захочет человек обмануть систему – например, стать суперсвятым, которого из рая назад не выгонят, – человеческое в нем все равно пересилит.

Рассмотрим это на примере Адама и Евы. Они жили в Эдеме в окружении райской благодати, где не было ни опасностей, ни тревог, ни забот, но все равно нашлось искушение, которому они поддались и за которым последовало изгнание из рая. Кроме этого, существует множество примеров, когда святые, казалось бы, люди совершали неблагоприятные поступки, поддавались искушению или предавали самых близких. Казалось бы, в таком случае оптимальное решение – все время оставаться середнячком, пусть не стать святым для белого спектра, но и особо не грешить для черного. Но даже в таком случае у души остается родовая память, поэтому многие плохие поступки будут совершаться несознательно, как ни старайся. Бывает, что у благополучных родителей рождается ребенок, который потом становится наркоманом, или в неблагополучной семье рождается гений – эти ситуации ярко показывают реальность родовой памяти, когда человек полностью изменил свою судьбу, несмотря на изначальные данные, полученные от родителей.

Существует большое количество практик и упражнений, чтобы самостоятельно увидеть цвет своей ауры, своей души. Например, самое простое – надо зажечь перед собой свечку и

внимательно вглядываться в огонь. Потом резко посмотреть на сидящего перед тобой человека, и тогда можно увидеть определенное свечение. Это происходит во время ментальной концентрации.

Или просто потерять глаза и, глядя на человека, попытаться рассмотреть цвет спектра.

Есть особый каббалистический ритуал, доступный уже опытным магам, когда ты просишь открыть тебе этот спектр.

В это время тыходишь в необычное, не совсем адекватное состояние, когда можешь видеть спектры всех и всего окружающего – чтобы изменить работу мозга, необходимо использовать определенные практики. Например, шаманы используют звуки и ритм, кто-то применяет вещества, изменяющие сознание. Алкоголь не поможет в этом, потому что он приводит только к нарушению работы мозга. Вообще, когда ты только начинаешь работать с другими реальностями, тебе может быть очень плохо – болит голова, плохое общее самочувствие, но со временем процесс переключения между мирами упрощается. Ранее для открытия «третьего» глаза делали трепанацию черепа.

Я убежден, что раньше люди умели входить в магическое состояние без каких-то веществ и сложных практик. Даже сейчас можно достигнуть этого, испытывая сильную боль или голод, например во время поста. Мой отец, который был убежденным материалистом, говорил, что перед приступом эпилепсии всегда видел свою умершую жену. Она хотела донести до него что-то, но что именно, он не запоминал. К сожалению, я этого так и не смог выяснить, потому что у меня нет магической связи с мамой, так же как и не было обычной связи, когда она еще была жива...

Глава третья

Если мы так мало знаем о жизни, что мы можем знать о смерти?
Конфуций

Это случилось, когда мне было тринадцать. Я стоял в прихожей с лыжами, собираясь на школьный стадион, когда раздался телефонный звонок. Из больницы сообщили, что мама умерла.

В отделении, где она лежала, мама была всеобщей любимицей. За годы, что она провела в этом страшном месте, случалось всякое, бывали моменты обострения, когда мама становилась буйной, и ее приходилось переводить в другое место, но в остальное время ей удавалось сохранить человечность, и она помогла чем могла другим пациентам. Эмпатия и желание помогать ближним, человеческое отношение к самым страшным больным всегда отличали маму в моменты, когда ее рассудок не был омрачен безумием. И люди вокруг ценили и уважали ее за это. Конечно, она практиковала и магию в эти периоды. Я не исключаю, что она, с помощью своих знаний и умений, смогла помочь многим людям в этой клинике, там, где лежали утратившие всякую надежду, где обретение веры являлось вопросом жизни и смерти.

Она умерла очень легко. Просто шла по коридору в столовую, несла в руках тарелку и неожиданно остановилась, выронила тарелку и упала навзничь уже мертвая. Сердечный приступ. Все случилось за секунды.

Я стоял в прихожей с лыжами и пытался осознать случившееся. Смерть наконец показала себя, я должен был столкнуться с ней лицом к лицу уже давно, и это произошло. В тот же день я вернулся из школы, все еще не понимая, что ощущаю и что должен чувствовать. Я зашел в прихожую и увидел черную тряпку на зеркале: все зеркала в квартире были занавешены, непонятно почему. Все плакали: папа, старший брат, бабушка, другие родственники. Все подходили ко мне, чтобы выразить свое сочувствие, искренне переживали за меня, подбирали слова, чтобы поддержать меня в моем горе. Как же, мальчик только что потерял мать...

А я не чувствовал ровным счетом ничего. Я судорожно прислушивался к себе, но не мог различить внутри ни скорби, ни горечи утраты, ни жалости. Ничего. Я выслушивал слова сочувствия, вежливо кивал в ответ, но единственным, что заставляло меня переживать, было чувство стыда и неудобства от того, что я не могу оправдать ожидания других и скорбеть вместе со всеми. Все они как будто страдали вместо меня, а я оставался спокойным и безучастным. Это чувство так сильно давило на меня, что в итоге я расплакался. Но, естественно, мои слезы были истолкованы совершенно не так, как было на самом деле.

А потом мне стало не стыдно, а страшно, когда кто-то сказал, что маму скоро привезут сюда, в наш дом. Меня очень пугала мысль, что я окажусь в одной квартире с мертвым человеком, и не просто безликим незнакомым мертвецом, а со своей матерью, пугавшей и смущавшей меня еще при жизни, а после смерти ставшей для меня во много раз страшнее. Но наибольший, иррациональный ужас у меня вызывало именно появление мертвого тела. Приход ритуальщиков, гробовщиков, появление в квартире страшного предмета, ожидание этого просто разрывало меня на части. Раз за разом я представлял себе эту картину, все в новых подробностях, и каждый раз испытывал все больший ужас. Бабушка оторвала меня от этих мыслей – нужно было сходить в магазин и купить продуктов к поминальному столу. Люди все приходили, чтобы проститься и принести соболезнования. Я молча кивнул и принялся одеваться.

На улице уже наступила полная темень, стоял крепкий сибирский мороз. Снег загадочно искрился в свете фонарей. Я брел из магазина, под ногами поскрипывал снег, я старался не думать ни о чем. Привычная дорога проходила мимо рядов хрущевок, с оранжевыми теплыми окнами, которые посередине квартала прерывались высоким силуэтом церкви. Церковь,

обычно темная и молчаливая в это время, в тот вечер неожиданно ожила и распространяла в морозном воздухе удивительную, звонкую и ладную колокольную музыку. Я шел в темноте, среди этого удивительного чистого звона, среди искрящегося бриллиантового снега, и внутри меня потихоньку рождалось ясное ощущение потустороннего контакта с этой музыкой, понимания. Полный этого нового чувства я дошел до своего подъезда, очень долго поднимался вверх с тяжелым пакетом в руке и остановился на своем этаже, переводя дыхание. На лестничной клетке перед нашей дверью стояла крышка гроба.

Я понял, что то, чего я так боялся, уже произошло и теперь мне придется войти и увидеть все своими глазами. На ватных ногах я вошел в квартиру и сразу же увидел гроб. Он стоял ровно так, как я и ожидал его увидеть, – на двух табуретках. Мама лежала в гробу, накрытая белой простыней, так, что было видно только лицо, бледное, застывшее и совершенно незнакомое. Первым, что бросалось в глаза, было то, как жутко она накрашена. Чтобы придать мертвому лицу естественные черты, требуется работа профессионального гримера, но в то время у нас не было на него денег, поэтому пришлось довольствоваться тем, что делали бесплатно. Этот неуместный грубый макияж выглядел еще чудовищней на мертвом застывшем лице.

Родственники и знакомые толпились вокруг гроба, слышались соболезнования, взаимные упреки и даже ругань. В последние годы, когда мама лежала в больнице, многие отвернулись от нее. Отец очень злился на многих родственников, с кем-то даже порвал отношения, и в итоге перестал посещать маму в больнице и всячески избегал контактов. Остальные также сторонились страшного дома на Владимирской.

Только мой брат оставался связующим звеном между мамой и остальным миром, но он не находил поддержки ни у отца, ни у меня.

Однажды с моим братом случилась беда. Он повздорил с компанией отмороzków, и слово за слово началась драка, в которой ему сильно разбили голову бейсбольной битой. Требовалась трепанация черепа, месяцы восстановления. Все это время, что брат провел на больничной койке, мама была одна. Никто не вспомнил о ней и не пришел к ней.

А теперь эти люди шумно соболезновали и устраивали свару у гроба, обвиняя друг друга в недостаточном внимании и любви к усопшей. Только отец оставался спокойным и как бы отстраненным от всего этого. Но мне было некуда деться, каждый норовил поддержать меня и утешить, все они сливались и плыли мимо меня, как персонажи адского кошмара. И, словно продолжение этого кошмара, я услышал как сквозь вату, что морг не может принять тело и маму придется оставить в квартире еще на несколько дней.

Зеркала в доме были завешены черными покрывалами, на всех батареях – а топили той зимой от души – висели мокрые тряпки. В эмалированном тазу, выкрашенном гадкой казенной зеленой краской, разводили марганцовку и обмывали тело. Открывали окна, впуская в комнату ледяной обжигающий зимний воздух, но ничего не помогло, и на второй день в квартире появился тяжелый сладковатый запах. А люди все приходили и приходили, чтобы попрощаться, бесконечно вспоминали всякие истории про маму, пытались вспоминать хорошее, конечно.

Все время, что тело находилось в квартире, я практически не спал. Невозможно было спать, зная, что гроб стоит в соседней комнате за хлипкой стеной хрущевки. Поэтому я испытал почти что облегчение, когда настал день похорон и мы погрузились в промерзшие, пытящие белым дымом пазики и отправились на кладбище. С нами ехали какие-то соседки, которых я никогда раньше не видел, а теперь они оказались чуть ли не лучшими подругами моей мамы. Их бодрый галдеж раздражал и злил меня. Как и грубые шутки бесчувственных гробовщиков.

Но само кладбище... Оно было расположено в холмистой местности, и само место для могилы выбрали на горе с прекрасным видом. Было ясно, морозно и солнечно, все кладбище дышало спокойствием и торжественной тишиной. На фоне этого спокойствия вся эта возня вокруг гроба, странные ритуалы прощания, какими они выглядели в глазах подростка, сует-

ливое копанье в промерзшей земле – все это было мне странно, неприятно, пугало и отталкивало. Потом слезливая очередь к гробу закончилась, крышку закрыли и с невыносимым звуком заколотили намертво.

Я в оцепенении смотрел, как неуместно бодрые гробовщики, обмениваясь какими-то бытовыми фразами, опускали на каких-то уродских грязных тряпках гроб в заснеженную могилу. Слышал, как комья мерзлой земли застучали о крышку гроба где-то далеко внизу. В этот момент я отчетливо понял, что это конец. Этот звук обрывал земное существование человека. Тогда у меня еще не было такого отчетливого осознания, что именно происходит, но в дальнейшем, каждый раз, когда я оказывался на похоронах и слышал этот звук удара первой пригоршни земли, я вспоминал именно этот момент.

Я ехал домой с кладбища в тряском холодном пазике, сжимая в кармане платок. Тот самый платок с отвратительным узорчиком, которым нужно было вытирать руки на кладбище, а после непременно забрать с собой. Я мял этот платок и мечтал об одном – избавиться от него. Мне казалось, что в нем сосредоточился весь страх и мучения последних дней, что если я выкину этот платок, то все будет закончено, я смогу закрыть эту историю и никогда больше к ней не возвращаться. Тогда я еще не понимал, что я потерял. Что я лишился матери – человека, который меня родил, дал мне жизнь. Я не знал, как важна и значима была эта потеря в судьбе мужчины, в моей судьбе.

Глава четвертая

Самое страшное из зол – смерть – не имеет к нам никакого отношения, так как, пока мы существуем, смерть еще отсутствует; когда же она приходит, мы уже не существуем.

Эпикур

Как бы банально это ни звучало, но человек боится смерти чаще всего из-за неизвестности. Некоторые думают, что с последним ударом сердца все заканчивается, другие верят в потаенный мир, в который попадет наша душа, освободившись от тела, третьи убеждены, что придет время и их тела тоже воскреснут. Одни боятся наказания за грехи, а другие переживают за своих детей и родственников, которым будет тяжело без них, третьи в ужасе от тоски одиночества.

И даже верующие люди относятся к смерти по-разному: это и свет, и очищение, и перерождение, но, как бы ни было хорошо в потустороннем мире, мало кто туда торопится.

В ведическом индуизме все просто. Ты получаешь реинкарнацию и бесконечно крутишься в колесе сансары. Но там есть странная вещь: если в этой жизни ты был богатым, то в следующей будешь бедным. А в христианстве, исламе и иудаизме после смерти идет подсчет грехов и соответствующее наказание.

Меня удивляют атеисты, которые уверены, что вся наша жизнь связана исключительно с деятельностью мозга и что после смерти человек просто перестает существовать – исчезает. На это я обычно говорю, что, согласно законам физики, если энергия, то есть душа, ушла, то она должна где-то появиться.

Атеисты считают, что будут жить в своих детях и добрых поступках, в памяти, искусстве или истории, перейдя в небытие – туда, откуда они пришли до рождения. Я тактично отношусь к любым взглядам: если человеку проще осознавать то, что он потом просто исчезнет, то это его право.

Я не могу судить, кто прав, а кто нет. Если человек во что-то не верит, то это его дело, но ему придется потом убедиться в своей неправоте. Все эзотерические процессы будут происходить, несмотря на наличие или отсутствие веры в это. По мере формирования религий многие первобытные племена придумывали совершенно жуткие обряды, тогда это считалось нормой. Со временем их потомки пересмотрели свои взгляды. Если атеисты формируют свои убеждения подобно людям из диких племен, мне их жаль.

Они уверяют, что весь процесс эволюции является лишь чередой мутаций. Но я никогда в это не поверю. Я не могу поверить, что из инфузории туфельки появились люди. Люди привыкают к стабильности своей жизни на этом свете, им страшно даже просто сменить место работы или переехать на соседнюю улицу, а уж смерть их панически пугает, ведь она является концом всего привычного. Но больше всего люди боятся потерять близких, забывая, что для многих с уходом родных и начинается взросление.

Человек боится, потому что за годы жизни он накапливает капитал, материальные блага, известность, с которыми предстоит расстаться. Кроме того, придется забыть о привычном окружении, что тоже пугает.

Это можно сравнить со школой – в первый день всегда страшно, но все там были и тебе придется. Правда есть одно существенное отличие – после смерти ты лишишься своих знаний, привычек, мировосприятия – всего того, что делало из тебя личность. Смерть – это полное изменение твоей привычной жизни.

При правильном подходе к смерти можно относиться как к увлекательному путешествию в новое интересное место. Необходимо понимать, что жизнь на этом не заканчивается, что это

лишь очередной переход из одного состояния в другое. К существованию на земле необходимо относиться как к поездке в гости.

Пройдет время – и пора будет возвращаться домой.

Согласно законам физики, если энергия, то есть душа, ушла, то она должна где-то появиться.

Глава пятая

*Душа совершает круг неизбежности, чередую облекаясь то в одну,
то в другую жизнь.*

Пифагор

Когда мы вернулись домой после похорон мамы, ко мне потихоньку стали возвращаться чувства. Это были новые для меня ощущения, взрослые, они появились во мне после этого близкого знакомства со смертью, и было ясно, что теперь они останутся со мной навсегда. Я до и после того, как услышал звук земли, падающей на крышку гроба, – это были два абсолютно разных человека. Того, второго, терзала невыносимая боль и большая взрослая горечь потери.

Несмотря на все, что мне пришлось пережить в младшем возрасте, я вырос бойким и активным подростком. Я ничего не боялся, везде старался быть в первых рядах, меня замечали, подтягивали, я участвовал во всех школьных мероприятиях, где было возможно, был на хорошем счету и закончил среднюю школу с хорошими оценками. Настало время поступать в вуз.

Скажу сразу, в Новосибирский педуниверситет я поступать не хотел. У меня были способности к естественным наукам, я интересовался ими в школе, однако профессия учителя химии не вызвала у меня восторга. Но возможности семьи были по-прежнему ограничены, и альтернативой бюджетному месту в педагогическом были сапоги, автомат и бюджетное место в казарме. Без особых усилий я поступил в Институт естественных и социально-экономических наук педагогического университета и принялся за учебную рутину.

Мне не нравилось сидеть на скучных парах по химии или биологии. Я мечтал поступить на исторический факультет или заниматься литературой, но на гуманитарные направления был высокий конкурс, и особым выбором я не располагал. Тогда же я нашел свою отдушину, которая надолго заняла меня, – игру в КВН – она и стала моим главным увлечением в вузе.

Параллельно с юмором в моей жизни стали происходить события диаметрально противоположные, связанные с мистикой и сверхъестественным, и связаны эти первые звоночки были с моей умершей мамой.

После похорон она часто стала приходить ко мне во снах. Обычно сны, которые мы видим, забываются через несколько часов, но есть те, которые не забудешь никогда. Мне снилась мама в каком-то огромном-огромном доме, с гигантскими воротами. Она была одета во все белое, ее лицо закрывало что-то вроде белого савана, но я все равно понимал, даже знал, что это она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.